

УДК [811.161:811.161.2]’373.7

МИКРОКОНЦЕПТ «ДЕТИ / ДІТИ» В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ПАРЕМИЙНЫХ КАРТИНАХ МИРА

Жанна В. Марфина^{a, @, ID}

^a Луганский национальный аграрный университет, 91008, Украина, г. Луганск, городок ЛНАУ, 1

@lib_lnu@ukr.net

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-5838-4954>

Поступила в редакцию 31.07.2018. Принята к печати 06.11.2018.

Ключевые слова:

концептуальная картина мира, паремийная картина мира, лингвокультурный концепт, макроконцепт, микроконцепт, паремия, концептуальная цепочка

Аннотация: Статья посвящена апробации приемов интроспективного концептуально-семантического анализа на материале паремий с антропонимами *дети, дитя / діти, діточки, дитина* и их вторичными номинациями. Проанализированы лингвокультурологические соответствия между составляющими украинской и русской паремийных картин мира, которые охватывают наиболее полно контексты, вербализирующие ценностно-аксиологическое наполнение микроконцепта *дети / діти*. Сопоставительное исследование паремийных картин мира близкородственных языков (украинского и русского) с микроконцептом *дети / діти* показало преобладание сходных концептуально-семантических направлений оценки роли и родителей, и детей, и их окружения, места проживания, отражающихся на взаимоотношениях в семьях. Также установлены отличия в лексико-грамматическом оформлении одной и той же сентенции. Сделан вывод о том, что в украинских паремиях с микроконцептом *діти* более отчетлив этнокультурный компонент, установлена апелляция к предметным ассоциатам тех или иных концептов-проводников, в русских же паремиях отмечено преобладание сакральных ассоциатов. Зафиксированы несоответствия в вербализации тех или иных моральных принципов, которые постулируют паремийные контексты близкородственных языков. И русская, и украинская паремийные картины мира концептуализировали базовые оппозиционные (*свои – чужие, малые – большие, свои – родные*) и неопозиционные смыслы для отражения ценностно-аксиологического содержания микроконцепта *дети / діти*. Основные фреймы таких паремий – воспитание, любовь, защита, поддержка, материальное и духовное состояние рода.

Для цитирования: Марфина Ж. В. Микроконцепт «дети / діти» в русской и украинской паремийных картинах мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 232–239. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-232-239>

Введение

В последние годы объектом исследования лингвистов все чаще становятся языковые явления в проекции на их национально-культурную специфику. Такой интерес обусловлен тем, что лингвокультурологический подход (наряду с антропоцентрическим) стал одним из определяющих в современном языкознании. В работах Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, В. А. Масловой, И. А. Стернина, В. В. Жайворонка, В. И. Кононенко, Е. А. Селивановой, Л. В. Савченко, А. П. Бабушкина, Г. Г. Слышкина и др. рассматривались вопросы взаимодействия языка и культуры, в частности такие значимые понятия, как *код культуры, концептуальная картина мира, национальная языковая картина мира, концепт, лингвокультурный концепт, фразеологизм, паремия, паремийная картина мира*.

Национально-культурная специфика языка наиболее ярко выражена во фразеологических единицах, в паремиях, которые отражают мировоззрение народа, сформированное общественной практикой, в результате которой происходит бесконечный процесс отмирания одних образцов и рождение других, их шлифовка, расширение или сужение [1, с. 54–55].

В языковой картине мира определенного этноса проявляют себя ключевые (ценностные, знаковые) концепты (комплексы, компоненты), отражающие систему важнейших ценностей его традиционной культуры. К таким относятся названия родства, которые, по мнению исследователей, являются значимым сегментом фиксации эволюционных изменений в структуре общественных отношений [2, с. 3]. Ценностно отмеченные концепты автоматически становятся предметом лингвокультурологического анализа. Кроме общесемантических, лингвокогнитивных

подходов в выделении и описании концептов и их вербализаторов как знаков культуры, он предполагает элементы сопоставления с такими же знаками других национальных культур с целью установления общих и отличительных особенностей как семантики языковых знаков в целом, так и их ассоциативно-образных качеств. Важен и учет культурно-исторического знания, которое охватывает та или иная лингвокультурема (например, фразеологизм / паремия), концепт как зеркало национальной бытовой культуры, его лексемы-вербализаторы (среди них – антропономены) [3; 4].

Среди концептуально-знаковых образований, имеющих основополагающее значение для формирования антропокультуры, в том числе повседневной, наиболее важны названия родства. Они являются неотъемлемым компонентом любой национальной языковой картины мира. Тем не менее обрядовый, фольклорный, паремийный фонды сохраняют определенные отличительные особенности их смыслового наполнения, связь с конкретными сценариями повседневного общения / поведения.

Важно отметить, что особенность названий родства в том, что их структурно-семантическая парадигма является, наверное, одной из наиболее сложных, многоуровневых. Эти единицы вербализуют одно из семантических направлений реализации в языке концепта *родство*, который воплощается, в частности, в субконцепте *названия родства*. Последний же дальше разворачивается в ряде макро- и микроконцептов. Макроуровнем является дифференциация названий родства по линиям (прямая (например, *отец – сын*) и боковая (например, *дядя – племянник*) и степеням (например, *внуки и деды / бабушки*) родства. Микроуровень вербализации представлен системой соответствующих антропономенов (*мать, отец, дочь, сын, брат, сестра* и т. д.). Паремийная картина мира сохраняет высказывания, в которых вербализуется микроконцепт *дети* (система соответствующих антропономенов), ассоциативно и семантически связанный с другими макро- и микроконцептами – *семья, родители, мать, отец*.

Отметим, что паремийные контексты с антропономеном *дети* неоднократно становились объектом лингвистических исследований. Особенности концептуализации ребенка в украинской языковой картине мира исследовали В. В. Калько, О. В. Величанова, Н. В. Левун. Сопоставительный лингвокультурологический анализ семантической структуры паремий с компонентом *дети* в различных языках представлен в работах З. Г. Коцюбы, В. А. Рожиной, Т. А. Шайхуллина, М. Николыч, А. Рахман, С. М. Адамовой, А. С. Головина, З. А. Биктагировой и др. В отдельных работах микроконцепт *дети* рассматривается как структурный компонент концепта *семья*. Исследователи

единодушно высказывают мысль о том, что данный концепт является ключевым для всех языков, однако его актуализация в каждом из них «характеризуется особым восприятием окружающей действительности, обусловленным особенностями этнокультуры и ценностными установками народов – носителей языков» [5].

Актуальность нашей работы обусловлена тем, что вне поля зрения исследователей остаются лингвокультурологические соответствия между составляющими украинской и русской паремийных картин мира, которые охватывают наиболее полно контексты, вербализующие ценностно-аксиологическое наполнение микроконцепта *дети / діти*. Широта используемых источников определяет, с одной стороны, устремление к наиболее полному представлению процессов, направлений концептуализации роли и места детей в повседневной национальной культуре, а с другой – к поиску новых приемов описания лингвокультурного концепта.

Цель данной статьи – продемонстрировать использование предложенного интроспективного концептуально-семантического анализа на материале паремий с антропономеном *дети / діти*.

Предметом исследования является сопоставительное исследование паремийных картин мира близкородственных языков (украинского и русского) с микроконцептом *дети / діти*.

Основу методологии исследования составили приемы интроспективной методики анализа вербализации концепта, в частности моделирование семантической структуры высказывания. Методика такого моделирования состоит в том, что в концептуальных цепочках / парах (триадах), выделяемых в процессе анализа с помощью фигурных скобок ({}), устанавливается конфигурация моделей семантизации указанных единиц, которые обобщают сценарии повседневного-бытовой коммуникации. Выделенные с помощью квадратных скобок ([]) микроконцепты обозначивают семантические секторы, пересекающиеся в анализируемых высказываниях. Между ними с помощью нескольких графических инструментов отмечается направление семантического взаимодействия, сопоставления семантики каждого из знаков (↔, ←, →; =, ≠): микроконцептов родства между собой, а также макро- и микроконцептов с семьей *родство* с другими элементами концептуальной (языковой) картины мира, ср.: представление архетипической семантики микроконцепта *мать* в концептуальной цепочке {*мать* ↔ *питательница, кормилица*}. Косыми линиями (/) и курсивом отделены элементы семантики (конкретно-предметной, оценочно-квалификационной) того или иного высказывания, указывающие на конкретную семантическую корреляцию между микроконцептами в структуре определенных паремий. По нашему мнению, предложенная

методика позволяет установить типы семантического сопоставления названий родства с другими понятиями, а также выделить фреймы, обусловленные ходом познавательного-отождествляющего процесса представления знания о роде и семье в народной культуре.

Такой концептуальный подход к анализу фразеологизмов / паремий уже нашел свое обоснование. Так, например, известный фразеолог В. Д. Ужченко считает, что «каждый фразеологизм как единство его инварианта и вариантов глубоко врастает в экстралингвистическую почву, пронизывая многочисленными корнями-формулами и одновременно реализуя, вербализуя структуры сознания, представляя своеобразную матрицу некоторой стойкой стандартной ситуации» [6, с. 50]. Важным аргументом для моделирования во фразеологии является и мысль А. Е. Гусевой, которая отмечает, что, определяя фразеологические вербализаторы концепта, во внимание важно брать как семантический характер компонентов фразеологизмов / паремий, так и общий ситуативный смысл всего стойкого словосочетания [7, с. 44]. Поскольку фразеологизмы / паремии являются предикативными структурами, то учитывается, что характеристика того или иного микроконцепта (названия родства) должна сопровождаться установлением его отношений с другими компонентами ситуации, а шире – со всем текстом. Определяющим является и учет роли предиката как главного носителя пропозиционного знания и приписывание ему роли фактора описывания имени концепта.

Составление концептуальных цепочек как интроспективный анализ вербализаций того или иного микроконцепта проецируется на компонентный анализ в его классическом представлении, поскольку он предполагает «не исследование семантики слова, а выделение существенных характеристик объектов реальной действительности, средством номинации которых служит то или иное слово» [8, с. 21].

Материалом для нашего исследования послужили паремийные контексты с антропономемом *дети / діти* (*дитя / дитина*), зафиксированные в лексикографических источниках¹.

Моделирование концептуальных цепочек с ключевой номинацией *дети*

Понятнейшее содержание выделенного микроконцепта необходимо, прежде всего, дифференцировать в связи с универсальной концептуальной оппозицией «свой – чужой». В связи с этим отмечаем паремии с оценочно-квалификационными эпитетами *мой, свій*, которые подчеркивают интимизацию отношений родителей и детей (концеп-

туальная цепочка {[родители] → /мой / мій, свой / свій / → [дети, дитя / діти]}): *Своє дитя завжди жалко; Каждый своего дитёнка жалкует; Моя дитина кому, як постіл, а мені, як сокіл; Кто не хоче своєї діти нестити, той буде сучині любити.*

Преимущественно в русских паремиях, меньше – в украинских, любимые дети ассоциированы с котенком (котятами), такой же заботой, которую могли наблюдать и фиксировать в обыденном сознании поколения родителей (концептуальная цепочка {[родители] = [коты] ↔ [дети] = [котята]}): *У кошки котя – тоже дитя; У нягини княжа, у кошки котя – тоже дитя; Не умела родить ребенка, корми серого котенка; Ласкай и ката, коли не родила дитя; У матери дитя, а у кошки – котя: всякому мило свое дитя // У матері – дитя, у кішки – котя: всякому миле своє дитя; І задрипана ворона своїм дітям оборона.*

В паремиях с концептуальной цепочкой {[родители] → /чужой / чужий / → [дети / діти]} сильнее выражено противопоставление *чужой (людей, соседские) – свой (мой, наш)*. В них также актуализированы оценочные компоненты вторичных номинаций детей *чортенята – паненята, волченоч*, ср.: *Чужие детки шалют – нам смех, а свои – горе; Чужие дети невидко растут; Чужа дитина не своя; У людей діти – любо поглядіти; З чужого чортеняти не зробиш свого дитяти; Сусідські діти найпустіші; Як чужі діти пустують, то на сміх, а як наші – то горе; Чужі діти скоро ростуть, а свої помалу; Чужі діти череваті й головаті і багато їдять, а вже мої – як паненята.*

Паремии утверждают, что чужое дитя – объект и особого внимания, и ограниченного влияния, поэтому и наложено определенное табу вмешательства в его воспитание ({[родители] ≠ /защита, забота / ≠ [чужие / чужі дети / діти]}): *Чужими детьми не торгуй; Чужими детьми не загадывай [распоряжаться]; Не некайся (Не плачь, Не сохни, Не тужи), мати, о чужом дитяти.*

И в украинской, и в русской паремийных картинах мира представлены высказывания с сакрализованной оценкой наличия детей в семье, что позволяет выделить концептуальную триаду {[Бог] → [родители] → /защита = подушка / → [дети]}. Во-первых, появление ребенка в семье характеризуется как подарок свыше: *Дети – благодать божья; Дети – благословение Божие; Не мы на детей находим (походим), а они на нас; Дай, боже, дитину, а корова буде.* Поэтому рождение детей параллельно сопровождается и помощью в их обеспечении: *На деток Господь подаст.* Сакральность рождения ребенка объясняет и «охранительную» функцию

¹ Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. В 2-х т. СПб.: Литера: Виан, 1997. Т. 1. 416 с.; Мокиенко В. М. Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа групп, 2010. 1026 с.; Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. Н. Новгород: Рус. Купец: Братья славяне, 1996. 620 с.; Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / упоряд. М. М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1990. 522 с.

Бога и ангелов в жизни ребенка. В связи с этим в некоторых паремийных текстах актуализирован предметный концепт *подушка*. Его семантика включает символическое значение *смягчение ударов судьбы, защита от невзгод, неприятностей, трудностей* и т. д.: **Як дитина падає, то Бог подушку підстилає, а як наш брат упаде, то або на драбину, або на граблі; Дитина паде – ангел подушку кладе, старий паде – дідько камінь кладе.** Во-вторых, процесс воспитания (кормления) также сопровождается осознанием благословения свыше ({[**Бог-Отец**] → [**отец**] → /защита/ → [дети]}): **Дай, Бог, кому дітей родить, тому их и вскормить!** В-третьих, подчеркивается роль отца как прообраза Бога в семье, на земле и, таким образом, его определяющей роли в воспитании детей: **Бог до людей, а отец до детей; Как Бог до людей, так отец до детей.**

Дети в семьях восточных славян всегда были залогом счастья (*У кого дети, у того счастье*): {[**родители**] → /счастье, покой, радость/ → [дети / діти]}. Бездетную семью считали неполноценной, безрадостной, несчастливой (**Без дітей тихо, та на старості лихо; Хата з дітьми – базар, без дітей – пустка**), а также семьей, которая несет на себе грехи рода: *У кого детей нет – во грехе живут.* Однако ряд паремий утверждает и обратное: *Кто детей не имеет, тот и горестей не знает // Кто дітей не має, той горя не знає [той біди не знає / той лиха не знає / той клопоту не знає]; Без детей гребты не знаешь; У кого нет детей, нет и заботы; У кого детки, у того и заботы; У кого детки, у того [и] бедки; Детки – родителям кручина.*

Противоречивость качества жизни супружеской пары с детьми и без детей отражает ряд пословиц, построенных по модели противопоставления определенных оценок: *С детьми дом – содом, без детей – могила; Без детей сухота, с детьми грохота (перхота); Без детей тоскливо, с детьми водливо (вередливо); Без детей – горе, а с детьми – вдвое; Горе з дітьми, горе й без дітей; Біда з дітьми, а ще гірше без них; Без дітей скучно, а з дітьми душно; Без дітей тихо, та на старості лихо.*

Одной из составляющих характеристики семьи с детьми является архетипическая концептуальная пара {[дети / діти] ↔ [изба / хата]}: **Изба** детьми весела; **Журишь хатою, за дітей не журишь – будуть.** Характерно, что русская паремия утверждает веселье в избе с детьми, а украинская предостерегает от лишнего беспокойства о детях, ибо хорошая, добротная хата – основа потомства в роду.

Для отца и матери дети – опора в жизни, его смысл, источник вдохновения и силы: *Якби усі діти спали, то не були б батьки старі, а якби дітки не мерли, то вони б і небо підперли.*

Паремийная картина мира отражает и биологическое сходство родителей и детей (либо отсутствие такового) (концептуальная цепочка {[родители] ↔

/внешнее и психологическое сходство/ ↔ [дети / діти]}): *Какая матери, такие и дети; Не мы на детей походим, а они на нас; Дети ходят почитай всегда на родителей; Дети удаются (бывают) в родителей; Одна matka, да не одни детки; Дети от одной матери и те разные бывают / Однієї матері діти, та не однакі; Одного тата діти, а не одної натури; Який талан мамці, такий і дитяці.*

Самую многочисленную группу пословиц с номинацией *дети / діти* составляют те, в которых раскрыт социокультурный опыт и особенности этнопедагогика. Концептуальная цепочка {[родители] → /воспитание/ → [дети / діти]} имеет несколько способов воплощения. Центральное место занимают обобщающие паремии с ключевым словом *воспитание* (и его контекстуальными синонимами): *Детей воспитать – не курочек пересчитать; Не устанешь, детей рожаячи, устанешь на место сажаючи.* Такие выражения подчеркивают сложность процесса воспитания.

Сему *воспитание* несут в себе и паремии с концептуальной цепочкой {[родители] → /любить, учить, поливать / растить, гнуть, глядеть/ → [дети / діти]}, построенной на народно-песенном метафорическом механизме отождествления процесса воспитания-учения с выращиванием растений (цветов, деревьев). В таких пословицах-поучениях содержатся предостережения, наставления: *Умел дитя родить, умей и научить; Учи дитя, пока поперець лавочки лежат, а как вдоль лавочки ляжет, тогда поздно учить; Детей учи без людей!; Люби дитину, як душу, а тряси її як грушу; Діти, як квіти: поливай – рости будуть; Вчи жінку без дітей, а дітей без людей; Учи дітей не страшкою, а ласкою; Гни дерево, поки молоде, учи дітей, поки малі; Ой, мамо, мамо, не пести так сина, бо бідна на світі пещена дитина; Діти – не поле засіяне, їх треба доглядати; Від доброго дерева добрий і пагінець, од доброго батька піде і добра дитина; Детей учить – не лясы точить; Детей растить – не мёд хлебать.* Аналогичные паремии – это своеобразные дидактические сентенции, формулы, пожелания.

Пословицы-предостережения относительно сформированных черт характера детей отражают смысл, воплощаемый в оппозиционных концептуальных цепочках: {[родители] → /добрый / добрый, хороший/ → [дети / діти]} и {[родители] → /худой, плохой, злой / злий, ледачий/ → [дети / діти]}. Противопоставленными являются актуальные атрибуты *добрый / добрый, хороший – худой, плохой, злой (злий), ледачий: Детки хороши – отцу, матери венец, худы (плохи) – отцу, матери конец; Дети наши, а воля у них своя; сердце само скажет, кто кого полюбит // Добрі діти – батькам вінець, а злі діти – кінець; Добрі діти доброго слова послухають, а лихі й дрючка не бояться; Добрі діти – потіха, злії – гризота; Добрі діти їдять кашу, злії –*

серце й душу нашу; Добре дитя боїться й кива, а ледаче не боїться й кива.

Пословицы-максимы, определяющие ценностно-духовные идеалы детей, также включены в ряд паремий с семейной воспитанием. Выделены следующие ключевые идеалы:

– **покорство, послушность:** *Покорному дитяти все кстати; Добра – то дитина: коли спить, то не плаче;*

– **трудолюбие:** *Работные дети отцу хлеб (хлеба); Родители трудолюбивы, и дети не ленивы; Счастье родителей – честность и трудолюбие детей; Трудящі діти, як комахи: скоро все рознесуть; Ледача та дитина, котрої батько не вчив;*

– **правдивость, откровенность:** *Доброе дитя скорее пролжётся; Дитина і п'яний усе правду скажуть; Діти і дурні говорять правду; Діти мають великі вуха і довгий язик; Дитина до семи літ правду каже;*

– **резвость:** *Діти – як роса, тут є, тут нема.*

Заслуживают внимания паремии, определяющие этнокультурные особенности способа воспитания ребенка, который в каждой семье индивидуален (*Що вчать дома діти, то не знають і сусіди*). Патриархальные традиции семейного воспитания отражены в паремиях, где положительно оценивается битье как воспитательный метод (концептуальная цепочка {[родители] → /воспитание = битье / биття → [дети / діти]; [дети / діти] /не слушают/ ← /воспитание = битье / биття/ ← [родители]}): *Кто отца и матери не слушает, тот послушает телячьей кожи // Не вмів слухати [Не хотів слухати] батька, слухай собачої шкури; Наказуй дітей в юности – упокоят тебе в старости; Розгой в могилу ребенка не вгоняй, а калачом не виманиш; Добре дитя не потребує биття; Дитина без прута не виросте; Хто не слухає вітця-матері, нехай слухає песької [баранячої] шкіри. Однако в паремийной картине мира восточных славян встречаем контексты, отрицающие положительный результат битья: *Хто б'є дитину, той не виховує добру людину; Дитина не втікає від калача, але від бича.**

Как противоречивые квалифицируем пословицы, в которых дана оценка воли в воспитании детей: *Дай дитині волю, а собі неволю – Дитині волю не давай.* Негативно оценивается и балованье, излишнее внимание к ребенку: *Гарна мазана палиця, а не дитина / Мазані пироги добрі, а діти не дуже.*

Этой группе паремий противопоставлены по меркам, способам воздействия на детей паремии, которые утверждают позитивную роль:

– **похвалы:** *Не вчи дитину штурханцями, хороши ми слівцями; Боги й діти живуть там, де їх хвалять;*

– **игры, забавы:** *Детям не порча игрушка, а порча худая прислужка; Не доспи, не доїж, а дитину потиш; Чим би дитина не бавилася, аби не плакала;*

– **суровости, строгости родителей:** *Ой мамо, мамо, не пести так сина, бо бідна на світі пещина дитина; Дитину серцем люби, а руками гнети // Дитину серцем люби, да в руках держи.*

– **призыва к стыду:** *Детей наказывай стыдом, а не грозою и бичом;*

– **присмотр, внимание:** *У семи нянек дитя урод (калека); У семи мамок (мамак) дитя без глаза (без глазу) // У семи нянюк дитина без носа; Когда нянек много, дитя безного; Где нянек много, там дитя безного // Багато нянюк – дитина без носа // Де багацько нянюк, там дитя каліка [там дитя без ляльок / там дитя без голови]; Двадцять нянюк – дитина бита; Де багацько нянюк, там дитя – каліка; Сім баб – сім рад, а дитя безпупе и пр.*

В то же время негативно оценен народный опыт потакания детям: *Кто детям потакает, сам слезу утирает.*

Процесс воспитания в паремийной картине мира отождествлен и с кормлением. Таким образом, выстраивается концептуальная цепочка {[родители] → /воспитание = кормление / годування/ → [дети / діти]}: *Детки годовать – век коротать; Кому діти родити, тому їх і кормити; Дітей годувати, як камінь глитати [свій вік коротати]; Дітей годувати – то не меду лизати.*

Украинские и русские паремии констатируют осознание ответственности за воспитание ребенка, а также то, что с его появлением в семье заканчивается беззаботная жизнь: *У кого детки, у того бедки; Соловей співа, поки дітей нема; До зубів наїсися, а до дітей наїсися; Детки подросли – батьку [отца] растрясли; Були колись чорти, та бідного чоловіка діти з'їли.* В таких случаях микроконцепт *дети / діти* приобретает обобщение предыдущего опыта (опыта предыдущих поколений), выстраиваемое в пословицах-максимах с концептуальной цепочкой {[родители] → /воспитание/ → [дети] = /бедность, беда, огорчение, недоедание, недосыпание/}.

Эта концептуальная цепочка воплощена в ряде ритмизированных текстов, причем таких, что имеют вариативность. Ср. русскую поговорку «Дети, дети, да куда ж мне вас дети?» и украинские варианты: *Діти, діти, де вас подіти?; На піч покидати та їсти не дати? [Чи на піч заганяти, чи горщик каші дати?; В трубу сховати, кілком заткати?]; Діти, діти, добре з вами вліті, а зимою хоч об комин (камінь) головою.*

В ряде пословиц утверждается мысль о том, что с годами ребенок требует больше родительских усилий и внимания. Этот смысл актуализируют вербальные компоненты *не наешься, не дают поест, пожить, спать, дышать* и т.д. На причинно-следственную связь указывает квалификационный компонент *малые / малі* (концептуальная цепочка {[родители] → /воспитание/ → [малые дети] = /бедность, тягость, беда, печаль, огорчение,

недоедание, недосыпание, хлопоты/}: *Малые дети тяжёлы на коленях, а большие – на сердце; Малые (Малыя) дети – малая печаль, большие (большия) дети – большая печаль; Детки малыньки – поесть не дадут, детки велики – пожить не дадут; Детки малыньки спать не дадут, детки велики – сам не уснёшь; Малые дети съест, а большие зносит не дадут; Малые дети не дают спать, а большие дышать (жить) // Малыми були діти, то спати матері не давали, а вирости, то й дихать не дають; Малые детки – малы беды, а большие детки – большие беды; Малынькие детки – малынькие беды, а вырастут велики – будут большие; Малые детки – мало хлопот, а возмужают, так отца испужают // Малі діти – малий клопіт, а підростуть буде великий; С малыми детками горе, с большими вдвое // Малі діти – мала жура, великі діти – велика жура; Мала дитина – не випишися, більша дитина – не наїсися, велика дитина – не уберешися; Мала дитина відбирає родичам сон, більша – хліб від рота, а велика і сорочку з тіла здере; Мала дитина – мала болячка; Більшають діти – більшають і клопоти. На фоне негативной аксиологии таких паремий зафиксированы единичные высказывания, в которых малое дитя сравнивают с чем-либо сладким – медом, пряником: **Малы деточки в дому как пряженники в меду.***

Зафиксированные в лексикографических источниках пословицы-максимы с концептуальной цепочкой {**родители**} → /воспитание/ → **[дети / діти]**} построены по лексико-грамматическим схемам:

– **растить, учить, родить N ≠ легкое дело:** *Детей растить – осинку глотать; Детей учить – не лясы точить; Детки родить – не ветки сломить / не веток ломить; Легко дитя нажить, нелегко вырастить; Не строй семь церквей, пристрой семь детей;*

– **N = положительное или отрицательное явление:** *Детки – кручина родительская; Детки – радость, дети – горе / Діти – радість, діти і горе; Діти такий народ, що вдень мовчить, а вночі кричить; Діти – чужа користь; Діти – найбільша радість в світі;*

– **N что / как / як / мов...:** *Ребенок, что поросянок; Ребенок, что жеребенок; Ребенок – что воск: что хочешь, то и сольешь / Дитятка – что тесто: как замесил, так и выросло; Дитина, як година: і добра, і погана; Дитина, як дзеркало: все відбиває; Дитина, мов порожня посудина, що в неї влиєш, те й держить.*

Метонимические образы *сердца, головы* традиционно выступают словесными символами душевных переживаний родителей, образ *рук* – символом больших физических усилий, образ *запаски* – материального жизнеобеспечения: *Малое дитя грудь сосёт, а большое – сердце; Одно дитя – руки нет, два дитя – двух нет; Своё детище – вар у сердца;*

Малые дети едят хлеб, а большие – сердце // Малі діти деруть запаску, а великі – серце; Малынькие дети – руки болят, большие дети – серце; Детки – на руках железо [мозоль / сети]; Малі діти їдять хліб, а великі – серце; Від малих дітей болить голова, а від великих – серце. Этнический субкод восточнославянской культуры сохраняет устойчивые положительные ассоциации ребенка с кладом, цветами, ягодками (плодами, звездочками на небе): Дети – цветы жизни; У кого детки – у того и ягодки // У кого дітки, у того і ягідки; Малые детишки – что часты звездочки: и светят, и радуют в тёмную ноченьку // Малі діточки – то ясні зірочки: і світять, і радують у темну нічку; На що ліпший клад, коли в дітках лад.

Ассоциатом материнского сопереживания является плач ребенка. Органичность такого психофизиологического состояния также сохраняет паремийная картина мира: *Дитя плачет, а у матери сердце болит / Дитина плаче, а в матері серце болить; Дитя не заплачет – мать не услышит / Дитина не плаче, мати не чує; Дитя не плачет – мать не понимает (не слышит); Дитина плаче, а матері боляче.*

Паремийные тексты отражают один из самых важных аспектов отношений детей и родителей – любовь. Поэтому в определенных пословицах представлена концептуальная цепочка {**родители**} → /воспитание = любовь/ → **[дети]**}: *Всякому свое дитя милее; Цілуй, чоловіче, дитину дома, бо на ярмарку не дотовпишися; Рад би до дітей небо прихилити та зорями вкрити. В паремиях отражено отношение и к нежеланным детям: они обделены вниманием, их не жалеют, бьют: **Нелюбимое дитя** больше ест; **Нелюбимое дитя** – хлыстом, любимое – дубьём; **На нелюбое детище** и смерти нет.*

Жизнь с детьми в любви в украинских и русских паремийных текстах ассоциируется с радостью (концептуальная цепочка {**родители**} ← /радость/ → **[дети]**): *Те счастливы дети, от коих отец и мать радость может иметь. Среди русских пословиц находим тексты, в которых подчеркнуто сравнение ребенка со сладким медом (концептуальная цепочка {**родители**} ← /сладость/ → **[дети]**): **Мед сладок, ребенок еще слаще.** Объединяющей для украинской и русской паремийных картин мира является концептуальная цепочка {**отец, мать**} → [/милое, родное / дитя] /сопливое, кривое, худое, горбатое/}: *Своё дитя и сопливо мило; Свое дитя и горбато, да мило; Дитя хоть и криво (хило), а (да) отцу-матери (отцу, матери, отцу с матерью) мило // Дитина хоч кривенька, та батькові-матері миленьке; Хоть дитя худое, а отцу да матери родное // Хоч дитя худеньке, та батькові й матері рідненьке; Дитя худенько, а отцу, матери (отцу-матери) миленько.**

Паремийный фонд сохраняет и обобщения, связанные с возрастными изменениями родителей и детей –

старостью, мудростью одних и взрослением других: *Детки постели – батьки без веку доспели; Детки поспеют – и родителей доспеют.*

Микроконцепт *дети / діти* объединяет и паремии, в которых можно структурировать концептуальную цепочку $\{\{\text{родители}\} \leftarrow \text{смерть} / \rightarrow \{\text{дети}\}\}$. С одной стороны, это тексты, в которых утверждается, что детей рожают не для старости (*На рать сена не накосишься, на смерть детей не нарожаешься*), с другой стороны, это тексты, в которых оценивается степень горя от смерти родителей или их детей: *Легше камінь глодати [Літше терня збирати], як дітей ховати; Коли умре дитина, то мала долина, а як умре мама, то велика яма [то мала щербина, а як тато або мама, то велика яма].*

Количество детей в семье также аксиологически отмечено в микроконцепте *дети / діти*. У восточных славян семья традиционно была многодетной. Однако сложные социальные и экономические условия, в которых развивался институт семьи, сформировали у определенной части общества неоднозначное восприятие многодетности. Например, зафиксированы паремии, в которых представлено ироническое предостережение относительно роста количества детей в семье, например: *Обложився дітьми, як дід онучами. Позитивную оценку получило качество много (У кого дітей багато, тот не забыт от Бога; Одна дитина – не дитина, а багато дітей – радість; Діток повен куток; Подумай жениться, то й діток копиця), причем вербализируется и осознание того, что количество детей только ухудшает материальное благосостояние в семье, но не забирает ощущение радости, Божьей поддержки. Негативную оценку получило*

качество один, два: *Одно дитя – не дитя; А як росте одна дитина, то на старість трудна година; Як двоє дітей у батька, то так як одно: а як одно, то як ні одного.*

Украинские паремии указывают на наиболее активные периоды зачатия детей – Рождество (метонимия – *кутя*), после Успенского поста (метонимия – *жнив*): *Вони збилися з пуття: як кутя, то й дитя; Що жнива, то й дитина нова.*

Заключение

Таким образом, в украинской и русской паремийных картинах мира отмечаем преобладание сходных концептуально-семантических направлений оценки роли и родителей, и детей, и их окружения, места проживания, отражающихся на взаимоотношениях в семьях. Отличия в основном касаются лексико-грамматического оформления одной и той же мысли. По нашему мнению, в украинских паремиях с микроконцептом *діти* более отчетлив этнокультурный компонент, апелляция к предметным ассоциатам тех или иных концептов-проводников (*подушка – защита, кутя – Рождество*), в русских же паремиях – преобладание сакральных ассоциатов. Есть несоответствия в вербализации тех или иных моральных принципов. Тем не менее и русская, и украинская паремийные картины мира концептуализировали базовые оппозиционные (*свои – чужие, малые – большие, свои – родные*) и неопозиционные смыслы для отражения ценностно-аксиологического содержания микроконцепта *дети / діти*. Основные фреймы таких паремий – воспитание, любовь, защита, поддержка, материальное и духовное состояние рода.

Литература

1. Колоїз Ж. В., Малюга Н. М., Шарманова Н. М. Українська пареміологія: навчальний посібник / под. ред. Ж. В. Колоїз. Кривий Ріг: КПІ ДВНЗ «Криворізький національний університет», 2014. 350 с.
2. Николіч М. Національно-культурний компонент семантики родства-свойства в русской и сербской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 17 с.
3. Кубрякова Е. С. Концепт. Концептуализация. Концептуальная система или структура // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90–95.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВорГУ, 1999. 30 с.
5. Адамова С. М. Паремии, репрезентирующие межличностные отношения в семье (на материале лакского и английского языков) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 465. Режим доступа: <https://science-education.ru/pdf/2014/4/209.pdf> (дата обращения: 15.01.2018).
6. Ужченко В. Д. Когнітивні аспекти вивчення фразеології в Україні // Лінгвістика. 2008. № 2. С. 46–59.
7. Гусева А. Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 44 с.
8. Гинзбург Н. С. Значение слова и методика компонентного анализа // Иностранные языки в школе. 1978. № 5. С. 21–26.

MICROCONCEPT "CHILDREN" IN RUSSIAN AND UKRAINIAN PAROEMIOLOGICAL WORLD IMAGES

Zhanna V. Marfina^a @, ^{ID}

^a Lugansk National Agrarian University, 1, LNAU town, Lugansk, Ukraine, 91008

@ lib_inpu@ukr.net

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-5838-4954>

Received 31.07.2018. Accepted 06.11.2018.

Keywords: conceptual worldimage, paroemiological worldimage, linguocultural concept, macroconcept, microconcept, paroemia, conceptual chain

Abstract: The article features an introspective conceptual and semantic analysis of paroemias with anthroponyms *children* / *child* and their secondary nominations. The analysis included linguoculturological correspondence between the components of Ukrainian and Russian paroemiological world images, verbalizing the value-axiological content of the microconcept *children*. A comparative study of the paroemiological world images in closely related languages (Ukrainian and Russian) in the microconcept *children* showed the predominance of similar conceptual and semantic directions for assessing the role of both parents and children and their environment, places of residence, reflection on family relationships, and differences in lexico-grammatical formalization. In Ukrainian paroemia with the microconcept *children*, the ethno-cultural component proved to be more obvious; an appeal to the subject associates of certain conductor concepts was revealed. In Russian, sacred associates predominated. There were inconsistencies in the verbalization of those or other moral principles that postulate paremean contexts of closely related languages. Both Russian and Ukrainian paroemiological world images conceptualized the basic oppositional (*us – them*, *small – large*, *natives – relatives*) and non-oppositional meaning to reflect the value-axiological content of the microconcept *children*. The basic frames of such paroemias are education, love, protection, support, and material and spiritual state of the family.

For citation: Marfina Zh. V. Mikrokontsept "diti / diti" v russkoi i ukrainskoi paremiinykh kartinakh mira [Microconcept "Children" in Russian and Ukrainian Paroemiological World Images]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 232–239. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-232-239>

References

1. Kolois Zh. V., Maliuga N. M., Sharmanova N. M. *Ukrains'ka paremiologiya: Navchal'nii posibnik* [Ukrainian paramiology. Study guide]. Ed. Kolois Zh. V. Krivoi Rog: KPI DVNZ "Krivoroz'skii natsional'nii universitet", 2014, 350.
2. Nikolich M. *Natsionalno-kulturnii component semantiki rodstva-svoistva v russkoi i serbskoi iazykovi kartine mira*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [National-cultural component of semantics of cognation-property in the Russian and Serbian language world images. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2016, 17.
3. Kubriakova E. S. Kontsept. Kontseptualizatsiia. Kontseptual'naia sistema ili struktura [Concept Conceptualization. Conceptual system or structure]. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Ed. Kubriakova E. S. Moscow: Izd-vo MGU, 1996, 90–95.
4. Popova Z. D., Sternin I. A. *Poniatie "kontsept" v lingvisticheskikh issledovaniakh* [The term "concept" in linguistic research]. Voronezh: VorGU, 1999, 30.
5. Adamova S. M. *Paremi, reprezentiruiushchie mezhlchnostnye otnosheniia v sem'e (na materiale lakskogo i angliikogo iazykov)* [Paroemias presenting interpersonal relationships in the family in the Lak and English languages]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 4 (2014): 465. Available at: <https://science-education.ru/pdf/2014/4/209.pdf> (accessed 15.01.2018).
6. Uzhchenko V. D. *Kognitivnie aspekty izucheniia frazeologii v Ukraine* [Cognitive aspects of studying phraseology in Ukraine]. *Lingvistika = Linguistic*, no. 2 (2008): 46–59.
7. Guseva A. E. *Osnovi lingvokognitivnogo modelirovaniia leksiko-frazeologicheskikh polei v nemetskom i russkom iazykakh*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Fundamentals of linguocognitive modeling of lexico-phraseological fields in German and Russian languages. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2008, 44.
8. Ginzburg N. S. *Znachenie slova i metodika komponentnogo analiza* [The meaning of the word and the methodology of component analysis]. *Inostrannie iazyki v shkole = Foreign languages in school*, no. 5 (1978): 21–26.